

История и современность: актуальные исследования

УДК 930.85

DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-65-81

Античная матрица современного латентного варварства

Вера П. Буданова

*Институт всеобщей истории Российской академии наук,
Москва, Россия, vpdudanova@yandex.ru*

Аннотация. В качестве предмета анализа в статье предложена исследовательская модель изучения современного варварства. Греко-латинская нарративная традиция о варварах представлена как античная матрица варварства, которая создает образ варвара в действии, динамике, качественной и интегративной характеристике.

Обращено внимание на возможность применения античной матрицы восприятия и понимания варварства в исследовании современного «нового варварства». В связи с этим ставится вопрос о предпосылках и особенностях проявления «нового варварства» в динамике современных цивилизационных процессов. Показаны формы «нового варварства» (интеллектуальное, эстетическое, варваризация мировосприятия), появившиеся в эпоху постмодерна.

Впервые в качестве самостоятельного исторического феномена выделено латентное варварство как особая форма существования варварства внутри цивилизации. Научную новизну представляет впервые сформулированная историческая и терминологическая характеристика природы латентного варварства (скрытого и скрываемого) как способа варваризации общества.

В ходе анализа обозначены условия появления, формы проявления и сферы воздействия латентности варваров внутри цивилизации. Впервые показана опасность современного латентного варварства и его место в социальной истории.

Ключевые слова: античность, цивилизация, матрица варвара, паттерны варварства, латентное варварство

Для цитирования: Буданова В.П. Античная матрица современного латентного варварства // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2018. № 4 (14). С. 65–81. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-65-81

Antique matrix of modern latent barbarity

Vera P. Budanova

*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia; vpdudanova@yandex.ru*

Abstract. As a subject of analysis, the article proposes a research model for the study of the modern barbarity. The Greek-Latin narrative tradition of barbarians is presented as the antique matrix of barbarity, which creates an image of the barbarian in action, dynamics, quality and integrative characteristics.

The attention is drawn to the possibility of using the antique matrix of perception and understanding of barbarity in the study of the modern “new barbarity”. In this regard, the author highlights issues of the prerequisites and peculiarities of the manifestation of “new barbarity” manifestation in the dynamics of modern civilizational processes. She also considers the forms of “new barbarity” (intellectual, aesthetic, barbarization of worldview), that emerged in the Postmodern era.

For the first time the latent barbarity is accentuated as an independent historical phenomenon, which is defined as the special form of existence of barbarity within civilization. The scientific novelty is the first formulated historical and terminological characteristics of the nature of the latent barbarity (hidden and being hidden) as a way of social barbarism.

In the course of analysis, the author denotes the birth conditions forms of manifestation and spheres of influence of latent barbarity inside civilization. She is the first to demonstrate its danger place in social history.

Keywords: Antiquity, civilization, matrix of a barbarian, patterns of barbarity, latent barbarity

For citation: Budanova VP. Antique matrix of modern latent barbarity. *RSUH/RGGU Bulletin. Series “Political Science. History. International Relations”*. 2018;4:65-81. DOI: 10.28995/2073-6339-2018-4-65-81

Введение

Современный мировой кризис обозначил нарастающую тенденцию социально-исторической реанимации варварства. Достигнув вершины своего материально-технического развития, современная цивилизация встретилась с «вызовом» варварства, масштабы которого предвещают гибель государств, народов и самого человеческого вида. Появилась необходимость переосмыслить теоретические положения и варианты практических усилий сопротивления варварству. В настоящее время пристальный интерес к варварству уже вышел за строго академические рамки, имеет важное общественное звучание, в том числе и как вызов цивилизации, и как проблема

выживания в обществе, в котором мировосприятие основано на разделении мира. Проявление и природа варварства постоянно трансформируются вместе с историей общества в зависимости от цивилизации, в рамках которой живет варвар.

Цивилизационный кризис XXI в. демонстрирует одну из стремительно развивающихся форм варварства – *латентное варварство*. Потребность специально проанализировать его обострилась в наши дни в связи появлением базовых факторов, которые способствуют существованию и развитию латентности. Это нарастающий стремительный темп меняющегося мира, неизбежная деформация социума, его основных институтов, лишение человеческих отношений стабильности и долговременности, размывание и искажение позитивных духовно-нравственных критериев и норм человеческих отношений, изменение содержания и форм варварства, девальвация и деструкция устоявшихся представлений о варварстве. Кардинальной предпосылкой существования варварства, как скрытого, так и скрываемого, является также отсутствие ясной и развернутой позитивной концепции будущего, перспектив цивилизационного развития, что серьезно затрудняет определение параметров оценки как общего цивилизационного развития, так и отдельных идей, поступков и действий человека. В то же время возросший гуманистический критерий цивилизованности, развитие социальной, правовой и гуманитарной сфер в жизни общества уже не позволяют во многих случаях осуществлять то, что в общественном сознании устойчиво воспринимается как варварство. Варварство пытается облачатся в «цивилизованные одежды».

Сегодня, когда речь идет о попытке глобального исторического осмысления такого явления, как варварство, сразу же следует иметь в виду одно обстоятельство. По мере ускорения и усложнения исторических процессов становится все более очевидным, что «темная сторона» человеческой природы как-то необыкновенно усиливается. Еще во второй половине XIX в. на это обратили внимание Э. Тайлор (1871), Л. Морган (1877) и Ф. Энгельс (1884) [1,2,3].

Глобальный мировой кризис конца XIX – начала XX в. вновь поставил в центр мироздания человека с его сознательной парадоксальной деятельностью, эмоциональной сферой, идеалами, целями и формами жизнеобеспечения. Тайны человеческого поведения вновь и надолго стали предметом изучения преимущественно медиков, философов и писателей. Но если в начале XIX в. Иммануил Кант ставил вопрос «Что такое человек с его специфической эмоциональной природой?», то уже в конце бурного XIX столетия, открывшего в человеке зверя, этот вопрос звучал по-другому: «Как этому человеку приспособиться и выжить во враждебном меняющемся мире?»

Принцип антропоцентризма, человекомерности снова стремительно ворвался в познавательный процесс. Так, А. Шопенгауэр акцентировал внимание на *воле* человека, наделяя ее онтологическим статусом, ибо воля, по его мнению, «обладает неоспоримой значимостью». Ф. Ницше видел в человеке *вырожденца природы*, самого жестокого зверя на земле, ибо жестокость представлялась ему древнейшей радостью человечества. Он как обязательное условие выживания настоятельно рекомендовал этому природному существу пройти через страдания, чтобы стать сверхчеловеком. Как на *биологическое создание* на человека смотрел и З. Фрейд, раскрывая сущность его природы через *психоанализ* и показывая, как конструируется клише ненавистника [4].

С конца XIX в. и на протяжении всего XX в. проблемой деструктивной, варварской природы человека занимались также археологи и историки. Человек рассматривался ими как «*действующая величина*» реальных событий, процессов и конкретно-исторических фактов. В гуманитарных исследованиях постоянно предпринимались попытки реконструировать человека в экстремальных исторических ситуациях. Исследовательский процесс был нацелен на то, чтобы снять размытость, нечеткость и даже, порой, аморфность представлений о варваре. Особенно это касалось переходных эпох, в том числе рубежа древности и Средневековья, когда, как писал Аммиан Марцеллин, «все пребывали в страхе и ждали», человек на протяжении многих десятилетий жил «между страхом и надеждой», и не только классический варвар, но и цивилизованный человек проявлял себя как *homo barbaricus* [5, XVII, 1,13; XXI, 13,1; XXII, 2,1; XXX, 2,12].

В XX в., с началом перехода гуманитарного знания от эмпирического на теоретический уровень и некоторой корректировки историками места человека в истории, стал меняться и взгляд на природу его варварского поведения. *Теория инстинкта* выделяла *биологическую* предрасположенность человека к насилию, связанную с врожденным охотничьим инстинктом борьбы за выживание. *Теории побуждения и фрустрации* рассматривали эмоционально-агрессивное враждебное поведение человека как *психологическое* состояние, связанное с фрустрацией, блокировкой достижения цели. *Социальные теории* утверждали, что варварство появляется только в соответствующих социальных условиях. В условиях цивилизации человек не рождается варваром, он должен научиться вести себя по-варварски. Таким образом, варварство представлялось как приобретенная в процессе жизнедеятельности человека модель социального поведения [6 с. 35–60].

Античная матрица и паттерны варварства

Когда мы приступаем к изучению латентного варварства любого исторического периода, на мой взгляд, не стоит забывать, что взлелеянная веками простота понятий «варвар» и «варварство» зарождались и утверждались в древности, прежде всего в античном мире. Именно античный мир впервые понял, определил и манифестировал матрицу и паттерны варварства в качестве самостоятельного исторического феномена. Греко-римская письменная традиция представила варварство как интеллектуальный конструкт, т. е. как *понятие*, а также как эмоциональную модель в виде *образа*, отражая его в языке своего времени через соответствующую *терминологию* [7 с. 10–46].

Античность не только выделила варварство как феномен, но и сформулировала важнейшие принципы его сущности, а именно варварские свойства антропологической характеристики человека и варварские формы его действий. В сочинениях античных авторов варварство раскрывалось как *действие*, как модель злонамеренного поведения, как произвольная или преднамеренная активность людей, направленная на достижение осознаваемой цели. В это действие входили цели, средства, результаты и, собственно, сам совершавшийся процесс. Античные авторы ориентируют нас на то, что варвар всегда действует, руководствуясь негативными *эмоциями, мотивами и установками*. «Вот они, варвары, – говорит автор IV в., – которые в своей ярости и диком безумии отважились выступить навстречу нашей доблести...» [5, XVI, 12,31].

В подавляющем большинстве случаев понятие «варвары» призывалось к военному контексту и, как правило, сопровождалось словами: «разрушили», «осадили», «опустошили», «совершили нападение». Но по мере того как племена варваров заселяли и осваивали римские земли, понятие «варвары» фигурирует уже не так часто, но становится все более жестким. Теперь это не просто невежественный иноземец, но крайне агрессивный и непредсказуемый чужестранец, носитель разрушительного начала. Для человека IV–VI вв. «варвар» – это негативный «иной», модель поведения которого, представляя неудержимую агрессию, стала своеобразным «логотипом врага» [8 с. 8–9].

Как свойство варварство проявилось в образе варвара. Три круга ассоциаций делали восприятие этого образа автоматическим. Первый – этнический: «варвар» – это иностранец, чужеземец, человек вне границ римского цивилизованного мира. Второй – этический – заключался в формуле: «варвар – это не римлянин», ибо не воспитан в римских традициях, установлениях и ценностях,

в служении *rei publicae* как смыслу и норме человеческого бытия, не обладал пайдейей, отсталый и неграмотный человек. И наконец, незнание греческого и латинского языков – верный признак варварства. В целом содержательная характеристика варваров основывалась на балансе неприятия и заинтересованности, что и отразила лексика сочинений латинских и грекоязычных авторов [7 с. 20–21].

Античные авторы демонстрируют важный концептуальный подход к исследованию варварства – прослеживая его в динамике. По мере того как контакты римлян и варваров становились все более тесными и долговременными, к ним применялся набор других слов-эквивалентов. Вместо «варвары» – *manus*, *globus*, *gens*, *populus*, *exercitus*, или конкретные этнонимы, иногда как определение – *populus Alamanorum*, *gens Francozum* и др. Одновременно, на фоне негативного «варварского стереотипа», в античных текстах появлялись и новые семантические оттенки, связанные с иными представлениями о «варваре». Зачастую «варвар» – это не только «враг», «неприятель», но «союзник», «вероломный союзник» (*foederates*), «друг-союзник», «соратник». В привычном обиходе грекоязычной интеллектуальной элиты IV–VI вв. применительно к варварским племенам использовались также термины «чужеземный», «иноплеменный», еще в V в. по-прежнему различался «варвар» и «гость», «чужеземец» [7 с. 21].

И, наконец, именно античные авторы, характеризуя варварство как свойство, оставили нам в наследство еще одно важнейшее концептуальное положение – комплекс интегративных характеристик, сочетание определенной системы конкретных свойств. Античная традиция, преподносила читателю смоделированный образ варвара, соединяя разные элементы дискурсивного поля в единый образ. Действительно, необходим целый подбор конкретных личностных характеристик, взаимосвязанных между собой, чтобы раскрыть, что значит – не воспитан в традициях цивилизованного общества, или – не обладает пайдейей. Кроме того, именно с интегративными характеристиками варварства как качества античные авторы связывали ответ на вопрос о сути варварства как действия – агрессии, насилия, разрушения культурных ценностей, грабежей и т. д.

Впоследствии сформированное античностью толкование варварства использовалось французской и немецкой социально-философской и политической литературой XVIII–XIX вв. [9 с. 855–883]. Широко понятый изначальный античный шаблон варварства, его основные признаки привлекались в позитивном конструировании и интерпретации истории европейских варваров. Как признанная совокупность знаний и оценок постепенно обозначилась и закрепились соответствующая научная парадигма, был разработан и со-

вершенствовался особый категориальный аппарат. Гений и талант создававших варварскую парадигму не только актуализировал историю различных представителей древних племенных миров – предводителей, вождей и королей. Он утверждал также и экзальтированно-сакрализованную привлекательность сарматов, аланов, готов, гуннов, вандалов, франков и других варварских племен. Расширялись масштабы интереса к варварству как *состоянию* – исторически пройденному этапу материального и духовного развития – и *свойству* как морально и нравственно-этической характеристики поведения человека [10–15 с. 120–122; 16]. Паттерны варварства практически всегда и в древности, и в Средневековье, и тем более в эпохи модерна и постмодерна ассоциировались с дикостью, жестокостью, бесчеловечностью, невежеством, бескультурьем, разрушением ценностей, нарушением закона и принятых норм жизни, отсутствием дисциплины и ответственности. Следует подчеркнуть, что именно в античном Средиземноморье родилась формула: «Варварство – это когда дикие народы дают простор своей наглости» [5 XX, 5,4].

Итак, античное наследие содержит не только богатейший материал о варварах и варварстве своего времени, но определенную концептуальную *матрицу* восприятия и понимания варварства в его *четырёх сущностях: качество, действие, динамика, интегративность характеристик*. Это позволяет поставить вопрос о правомерности рассмотрения данной матрицы в качестве одного из подходов к анализу современного варварства и результативности такого подхода.

Современное варварство

Но прежде чем реализовывать данный подход при анализе современного варварства, необходимо хотя бы ориентировочно определиться с уже имеющимся общим понятием современного варварства. В качестве точки отсчета можно взять определение современного варварства, данное Н.В. Мотрошиловой. «Варварством целесообразно именовать также и совокупность существующих на зрелых стадиях развития самой цивилизации явлений, форм, способов жизнедеятельности людей, которые разительно отличаются от тенденций, сущностных признаков (если хотите “телоса”) цивилизации и цивилизованности. И отличаются особенно грубым насилием, крайней жестокостью, катастрофически разрушительными историческими последствиями, беззащитным попранием уже хорошо известных индивидам и человечеству цивилизованных

принципов и норм, недостойным человека одичанием, скотством и другими чертами, свидетельствующими об откате к варварству» [17 с. 79–80].

Историки, философы, социологи, придерживающиеся самых различных взглядов и концепций, едины в том, что процессы деструктивности и варваризации социального поведения человека заметно усложнились [17–23]. Усложняются и процессы диагностики «нового варварства». Сложность диагностики состоит прежде всего в том, что «новое варварство», несмотря на свои исторические основания – это отнюдь не реликт. Истоки, содержание и формы «нового варварства» во многом зарождаются, развиваются и определяются тенденциями, связанными с усложнением цивилизационного развития, изменением всей структуры социального организма и всех форм социальной жизни. Поэтому особо актуальным становится анализ источников варварства, заключенных в цивилизации Нового времени, которые, несомненно, в весьма важных формах продолжают свою жизнь и сегодня. Человеческая история в этом контексте подвергается рассмотрению того, что произошло с этими формами к концу XX столетия. Какие-то из них, в частности, дали особенно интенсивный импульс тем взрывам варварства, которые своим зловещим ответом проводили только что ушедшее столетие и тысячелетие [17 с. 106]. Варварство не исчезает само по себе, а усиливает деструктивную природу человека, превращая его в «дионисического варвара» и увлекая в историческую пропасть человеческого презрения. И снова хочу обратить внимание на то, что мы не можем не осознавать: изучение варваров перегружено эмоциями. Образ варваров менялся, но неизменным оставалось античное пропагандистское клише: варвар – это символ абсолютного зла, насилия, низкого уровня развития, закрытости и паразитизма [7 с. 46].

При анализе современной цивилизации в общеконцептуальном смысле процессы варваризации рассматриваются «как регрессивное движение к более архаичным и примитивным формам существования» [24 с. 9]. Однако, этот критерий действителен, но не универсален. К варваризации вряд ли можно отнести тенденцию к возрождению, чаще всего локальному, более архаичных и примитивных форм существования как форму отрицания негативных сторон современной цивилизации и попытку уйти в «неиспорченный цивилизацией» (или не столь испорченный) архаичный мир. Тенденция к идеализации этого мира не нова. Весьма выразительно она представлена в сочинениях не только Тацита, современника античных классических варваров, но и мыслителей эпохи Просвещения, например Ж.Ж. Руссо и целой когорты ученых XIX–XX вв.

В начале XXI в. в одной из своих работ А.А. Пелипенко обратил внимание на иную исследовательскую перспективу, на то, что «в последнее время, в контексте подчеркивания завершения некоего глобального витка человеческой цивилизации, часто говорят о наступлении “новой первобытности” – возвращении к архаике на новом цивилизационном уровне» [25 с. 388]. Однако далеко не всякий «ремейк старого» может рассматриваться как проявление варварства, но лишь тот, который представляет собой отход от завоеваний цивилизации, регресс или распад цивилизации, индикатор кризисных процессов в жизнедеятельности цивилизации.

Надо отметить и то, что современное варварство демонстрирует такие формы и проявления «регрессивного движения», которые не только не характерны для более архаичных, в сравнении с нашим временем, форм существования, но и были бы ими отвергнуты. Например, признание существования пола, «не укладывающегося в двоичную систему». Здесь системным выступает более общий критерий – варварство как деструкция цивилизации. В данном случае – деструкция одной из фундаментальных цивилизационных основ. Н.В. Мотрошилова справедливо подчеркивает: «Историческое предназначение, своего рода “телос” цивилизации как раз и состоит в том, чтобы человечество сохранялось, даже возрастало в своей численности» [17 с. 117]. С этой точки зрения подобные инновации – явное «саморазрушение цивилизованности» (термин Н.В. Мотрошиловой). Они не будут способствовать сохранению человечества, а тем более – возрастанию его численности.

По мнению Н.В. Мотрошиловой, варварство отражает противоречия и нерешенные проблемы, угрожающие стабильности и развитию самой цивилизации либо сложившимся межцивилизационным контактам и диалогу [17 с. 105]. Одна из причин его существования заключается в том, что «историко-генетические корни цивилизационных процессов все еще глубоко уходят в почву доцивилизационного, а потом и внутрицивилизационного варварства» [17 с. 106]. В качестве отдельных типов варварства автор выделяет экологическое, политическое, милитаристское, бытовое варварство и варварство безнравственности.

Однако уже в 70-е годы XX в., помимо широкого диапазона названных проявлений варварства, в первую очередь политического и варварства безнравственности, стало устойчивой тенденцией проявление и таких типов варварства, как *варварство интеллектуальное* (отказ от рационального мышления и объективной науки, виртуализация науки, распространение мистики и т. д.), *эстетическое*, отразившееся в искусстве эпохи постмодерна, а также *варва-*

ризация мировосприятия (виртуализация опыта человека, образов, чувств и эмоций) [26 с. 379–400].

Характеризуя *интеллектуальное варварство*, получившее в конце XX в. глобальное распространение, Н.В. Мотрошилова подчеркивает, что на «рынке знаний» все интенсивнее наряду с содержательной информацией, подкрепляемой аргументами и доказательствами, предлагаются, распространяются, потребляются «знания» совсем другого рода – знахарство, ведовство, колдовство, новые мифы, наскоро сбитые «религии», мистика и т. д. Существенно, что у этой псевдопродукции находятся не только потребители, но и радители в средствах массовой информации и даже в сфере науки. Интернет в немалой части стал виртуальной свалкой продуктов современного антиразума [17 с. 357]. Д.В. Иванов отмечает, что наука сейчас – это не предприятие по поиску истины, а род языковых игр, состязаний в манипулировании моделями научного дискурса. Если раньше теория могла строиться только на основе открытия некоего порядка, присущего вещам, то теперь вполне допустимо моделирование без выхода к каким-либо реальным референтам. Процесс верификации гипотез все чаще замещается процессом фальсификации [19 с. 110]. В этих условиях количественный критерий оценки научных результатов становится единственно возможным объективным критерием [19 с. 114]. «Мы живем, – считает исследователь, – в эпоху науки образов и образов науки» [19 с. 115].

Д.В. Иванов емко выразил и суть *варваризации искусства* в эпоху постмодерна: «...мы живем и действуем в эпоху искусства симуляции и симуляции искусства. Базовые компоненты художественных практик модерна, эпохи создания произведений искусства – производство, стиль, эстетическая оценка – симулируются» [19 с. 122]. В искусстве постмодернизма произведение как таковое становится актом деконструкции как со стороны художника, так и со стороны публики [19 с. 188].

Инструментом *варваризации мировосприятия* стала его виртуализация, когда *человек отделяется от действительной реальности*. Виртуальная реальность может выступать мощным инструментом деформации и деградации мировосприятия и миропонимания. Для ее характеристики вполне правомерно будет использование употребляемого М. Кастельсом термина «реальная виртуальность». Это определение отражает подмену в сознании человека реальной действительности ее виртуальной интерпретацией. При управлении «реальной виртуальностью» это создает оптимальные условия для варваризации человека и социума. Реальная виртуальность – это система, в которой сама реальность (т. е. материальное/симво-

лическое существование людей) полностью схвачена, полностью погружена в виртуальные образы, выдуманный мир, в котором внешние отображения не просто находятся на экране, через который передается опыт, но сами становятся опытом [18 с. 351–352].

Латентное варварство

В настоящее время практический интерес к варварству проблемно меняет исследовательскую ситуацию, предлагая историкам не уходить от исследования вызовов «нового варварства». Однако молчание историков и некоторое снижение действенности исторического слова о варварах и варварстве, вероятно, можно объяснить традиционно замкнутой академической отстраненностью научных изысканий, посвященных этому историческому феномену.

Как модель злонамеренного поведения, варварство действует в истории *открыто* (расизм, национализм, шовинизм) и *латентно*; *физически* (убийство людей, разрушение исторических памятников, военные действия, разбой, грабеж и т. д.) и *вербально* (словесное оскорбление и унижение человека); *активно* (распространение злостной клеветы, сплетен, слухов и др.) и *пассивно* (создание препятствий кому-либо в достижении им поставленной цели, отказ защитить человека и др.); *прямо* (отказ вести переговоры, отказ отвечать на вопросы и др.) и *косвенно* (отказ выступить в защиту кого-либо).

С конца XX в. стало стремительно наращивать свой потенциал латентное варварство. Это связано с борьбой двух тенденций. С одной стороны, в XX в. проявились самые страшные из когда-либо известных видов формы варварства, которые свидетельствовали, что темная сторона человеческой природы выходит из-под контроля, способствуя разрастанию варварства. С другой стороны, развитие социальной, правовой и гуманитарной сфер, демократических начал, утверждение прав человека замедляли процессы варваризации и сдерживали деструктивную природу человека.

Именно в конце XX в. в условиях глобализирующегося мира человек, оставив в прошлом революции, гражданские конфликты, мировые войны, с удивлением обнаружил свою растерянность и бессилие перед деструктивностью теперь уже «нового варварства». Ибо оно стало активно проявлять себя не только в форме физического насилия и разрушения, но и вербально. Облачившись в одежды «тайности» и «скрытности», варвары стремительно заявили о себе в информационном пространстве, распространяя оскорбления, клевету, сплетни, интриги, месть и провокации. В этих обсто-

ятельстввах для историков вполне очевидна необходимость переосмысления теоретических оснований и проблематики варварства как такового.

Латентное варварство – это скрытые, недоступные прямому наблюдению замыслы и намерения, имеющие целью достижение негативных последствий, причинение вреда, боли или страдания другим и реализующиеся в этом направлении. *Формы проявления* данного скрытого стремления могут быть самыми разными. Это, например, выставление в невыгодном свете, пренебрежительное высказывание за глаза, злостная клевета, умолчание, сплетни, распространение слухов, интриги, месть, публичное осмеяние, провокации, создание кому-либо препятствий для достижения поставленной цели, сговор в целях уничтожения кого-либо.

Латентное варварство – это форма существования варварства в цивилизованном обществе, где уже сложилось представление о варварстве как о негативном явлении, но реальное варварство еще не изжито или, более того, является средством решения экономических, политических, социальных или идеологических задач. В то же время уровень гуманитарного развития общества с позиций обыденного сознания уже не позволяет, хотя бы формально, открыто демонстрировать варварство, варварские идеи и действия.

Само явление латентности варварства имеет глубокие исторические корни. Это весьма специфический тип варварства. Латентное варварство обычно существует в виде варварства скрытого и скрываемого. Специфика его состоит в том, что, являясь варварством по сути, оно может не восприниматься таковым (*скрытое варварство*) или сознательно скрываться (*скрываемое варварство*). Соответственно латентное варварство может быть осознанным и неосознаваемым. Латентность появляется лишь на определенном этапе развития, когда варварство еще реально существует, но «носители варварства» уже вынуждены скрывать его подлинный смысл. Скрываемое варварство сознательно облачено заинтересованными субъектами в «цивилизованные» одежды и орнаментировано соответствующими «цивилизованными» оценками и аргументами. Достаточно привести в качестве примера Крестовые походы (XII–XIII вв.), Варфоломеевскую ночь (Франция, 1572 г.), «Ночь длинных ножей» (Германия, 1934 г.), «Хрустальную ночь» (Германия, 1938 г.). Варварство использует в качестве своих инструментов самые последние достижения цивилизации. Скрытое варварство представляется, порой искренне, как элемент или тенденция будущего либо позитивная традиция прошлого.

Можно выделить целый пакет объектов воздействия латентности. В качестве таких «*мишеней варварства*» могут оказаться при-

рода, общество, его духовно-нравственная сфера, мир как состояние жизни человека, его быт, материальная среда и материальные ценности, право и правоприменение, интеллектуальная сфера, сфера культуры, эстетика, мировосприятие, межэтнические, гендерные и семейные отношения. Уже сейчас в когнитивном пространстве отмечаются такие определения, как *экологическое, политическое, правовое, этническое, интеллектуальное, эстетическое, гендерное и бытовое варварство*. В конечном итоге главной мишенью латентности становятся человек, его отношения с другими людьми и среда его обитания.

В чем же особая опасность латентности варварства? Оно затрудняет объективное осмысление существующей реальности, в том числе оценку динамики исторических процессов, манифестируя размывание каузальных связей. Латентное варварство препятствует освобождению от ложных путей исторического движения через стратегию вуалирования, затушевывания нежелательной информации, которая позволяет приглушить, сделать менее очевидными неприятные факты. Путем манипуляции латентное варварство в силу особенностей психологии человека может активно толкать его через пространство «страха» на ложный путь соблазна «простых решений» сложных проблем. Латентное варварство деструктивно, формирует индивида с «непонятой человечностью», способно разрушить или деформировать систему социальных регуляторов и норм. Оно поощряет идеи и деятельность индивида, группы или сообщества, варварских по своей сути, придавая им псевдоцивилизированный вид, порой – под самыми гуманными и прогрессивными лозунгами.

Следует, на мой взгляд, обратить внимание и на то, что латентное варварство представляет специфическую опасность и для историка. Будучи маргинальным по своей природе, варварство выходит из маргинальной зоны исторического процесса. Однако, исследуя субъектность варвара и его мировосприятие, его особую роль в становлении и развитии цивилизаций, не стоит расслабляться и полагать, что «варвар» – это завершённый императивный конструкт. В рамках разных цивилизаций варварская, злобная и агрессивная природа человека проявляется по-разному. Цивилизованные «упаковки» варварства скрывают опасные для историка ловушки, предостерегающие модели которых нам может дать исторический нарратив античной древности и раннего Средневековья. Известно, с каким мастерством и изощренностью тогда скрывалось собственное варварство и создавался «образ врага», отразивший самые отвратительные черты человека.

Заключение

Таким образом, варвары и варварство как «тьнь цивилизации» (термин К.Г. Юнга) отмечены в исторических реалиях каждой эпохи. Но их природа и проявление не остаются постоянными, постепенно продвигаясь к скрытности. В историческом процессе варварство уже давно заняло позиции идеологии зла. Латентность варварства – это триумф варварского бытия, а латентный варвар – это, как правило, варвар, скрывающий свое варварство. На сегодня, как мне представляется, мы имеем четко актуализированную и очерченную исследовательскую перспективу изучения этого сложного исторического феномена, собственно закулисья исторического процесса, что, может быть, в отдаленной перспективе и позволит приблизиться к разрешению столкновения с деструктивным, чужим и враждебным. Накопленный историками массив исследований о взаимодействии цивилизации и варварства позволяет *впервые* поставить проблему латентности варварства в логике противоречий и парадоксов процессов варваризации цивилизации, которая при определенных условиях может стремиться примирять непримиримое. Архетип латентного варварства становится проблемой, остро звучащей сегодня в исторической науке и в ее более широких аспектах, важной для современности.

Литература

1. *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М.: Политиздат, 1989. 568 с.
2. *Морган Л.Г.* Древнее общество: Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. М.: Едитория УРСС, 2016. 360 с.
3. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Изд-во полит. лит., 1980. 382 с.
4. *Гуревич П.С.* Классическая и неклассическая антропология: сравнительный анализ. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Петроглиф, 2018. 496 с.
5. *Ammianus Marcellinus.* Rerum gestarum libri qui supersunt. Berlin: Akademie Verlag, 1992. 656 S.
6. *Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. 2-е изд. СПб.: Питер, 2017. 416 с.
7. *Буданова В.П.* Варвары и варварство в антропологии цивилизаций // Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / Ред.: В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. Вып. 1. С. 10–46.
8. *Буданова В.П.* Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М.: Наука, 2000. 544 с.
9. *Goffart W.* Rome's Final Conquest: The Barbarians // History Compass. 2008. № 6/3. P. 855-883.

10. *Wolfram H.* Geschichte der Goten. München: Beck, 1980. 495 S.
11. *Goffart W.A.* Barbarians and Romans. A.D. 418–584: The Techniques of Accommodation. Princeton: Princeton Univ. Press, 1980. 278 p.
12. *Dauge Y.-A.* Le Barbare. Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilisation. Bruxelles: Collection Latomus, 1981. 859 p.
13. Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20. Jahrhunderts / Hrsg. M.M. Miller, H.-G. Soeffner. Frankfurt a/M: Suhrkamp Verlag, 1996. 370 S.
14. *Leguay J.-P.* L'Europe des États barbares V–VIII siècles. P.: Belin, 2002. 384 p.
15. *Курбанов М.Г.* Варварство в гримасах цивилизации // Вестн. Росс. филос. о-ва. М.: РФО, 2006. № 2 (38). С. 120–122.
16. *Barbero A.* Barbarés. Immigres, réfugiés et déportés dans l'Empire romain. P.: Talandier, 2011. 352 p.
17. *Мотрошилова Н.В.* Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФРАН, Канон+ РООИ «Реабилитация», 2010. 480 с.
18. *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
19. *Иванов Д.В.* Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. 224 с.
20. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2006. 571 с.
21. *Хренов Н.А.* Опыт культурологической интерпретации переходных процессов // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные исследования художественной культуры в переходных процессах / Отв. ред. Н.А. Хренов. М.: Наука, 2002. С. 11–55.
22. *Яковенко И.Г.* Переходные эпохи и эсхатологические аспекты традиционной ментальности // Там же. С. 136–147.
23. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество: Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004. 788 с.
24. Цивилизация и варварство: трансформация понятий и региональный опыт / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2012. Вып. 1. 351 с.
25. *Пелипенко А.А.* Постмодернизм в контексте переходных процессов // Искусство в ситуации смены циклов: Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. С. 383–398.
26. *Буданов А.В.* Постмодерн и варварство // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. М.: Ин-т всеобщей истории РАН, 2013. Вып. 2. С. 379–400.

References

1. Taylor EB. Primitive Culture. Moscow: Politizdat Publ.; 1989. 568 p. (In Russ.)
2. Morgan LH. Ancient Society. Researches in the Lines of Human Progress from Savagery through Barbarism to Civilisation. Moscow: Editoriya URSS Publ.; 2016. 360 p. (In Russ.)
3. Engels F. The Origin of the Family, the Private Property and the State. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoi literatury Publ.; 1980. 382 p. (In Russ.)

4. Gurevich PS. Classical and Non-classical Anthropology. The Comparative Analysis. Moscow; Sankt-Peterburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ.; Petroglif Publ.; 2018. 496 p. (In Russ.)
5. Ammianus Marcellinus. Rerum gestarum libri qui supersunt. Berlin: Akademie Verlag, 1992. 656 S.
6. Baron Robert A., Richardson Deborah R. Human Aggression. 2nd edition. Sankt-Peterburg: Piter Publ.; 2017. 416 p. (In Russ.)
7. Budanova VP. Barbarians and Barbarity in the Anthropology of Civilizations. V; Budanova VP., Vorob'eva OV., eds. *Civilization and barbarity. Concepts transformation and regional experience*. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN Publ.; 2012. Iss. 1. p. 10-46. (In Russ.)
8. Budanova VP. Barbarian World of Peoples Great Migration Epoch. Moscow: Nauka Publ.; 2000. 544 p. (In Russ.)
9. Goffart W. Rome's Final Conquest: The Barbarians. *History Compass*. 2008;3:855-83.
10. Wolfram H. Geschichte der Goten. München: Beck, 1980. 495 S.
11. Goffart WA. Barbarians and Romans. A.D. 418–584. The Techniques of Accommodation. Princeton: Princeton University Press, 1980. 278 p.
12. Dauge YA. Le Barbare. Recherches sur la conception romaine de la barbarie et de la civilization. Bruxelles: Collection Latomus, 1981. 859 p.
13. Miller MM., Soeffner H-G., Hrsg. Modernität und Barbarei. Soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20. Jahrhunderts. Frankfurt a/M: Suhrkamp Verlag, 1996. 370 S.
14. Leguay JP. L'Europe des États barbares V–VIII siècles. Paris: Belin, 2002. 384 p.
15. Kurbanov MG. The Barbarity in the Grimaces of Civilization. *Vestnik Rossiiskogo filosofskogo obshchestva*. 2006;2:120-22. (In Russ.)
16. Barbero A. Barbarés. Immigres, réfugiés et déportés dans l'Empire romain. Paris: Tallandier, 2011. 352 p.
17. Motroshilova NV. Civilization and Barbarity in the Era of Global Crises. Moscow: IFRAN, Kanon+ ROOI "Reabilitatsiya" Publ.; 2010. 480 p. (In Russ.)
18. Castells M. The Informational Age: Economy, Society and Culture. Moscow: GU VShE Publ.; 2000. 608 p. (In Russ.)
19. Ivanov DV. Virtualization of Society. Version 2.0. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe vostokovedenie Publ.; 2002. 224 p. (In Russ.)
20. Huntington SP. The Clash of Civilizations. Moscow: AST Publ.; 2006. 571 p. (In Russ.)
21. Khrenov NA. The Experience of the Culturological Interpretation of Transitive Processes. V: Khrenov NA., ed. *Art in a situation of changing cycles. Interdisciplinary studies of artistic culture in transitional processes*. Moscow: Nauka Publ.; 2002. p. 11-55. (In Russ.)
22. Yakovenko IG. Transitive Epochs and Eschatological Aspects of Traditional Mentality. V: Khrenov NA., ed. *Art in a situation of changing cycles. Interdisciplinary studies of artistic culture in transitional processes*. Moscow: Nauka Publ.; 2002. p. 136-47. (In Russ.)
23. Bell D. The Coming Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting. Moscow: Academia Publ.; 2004. 788 p. (In Russ.)
24. Budanova VP., Vorob'eva OV., eds. Civilization and Barbarism. Concepts Transformation and Regional Experience. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN Publ.; 2012. Iss. 1. 351 p. (In Russ.)

25. Pelipenko AA. Postmodernism in the Context of Transitive Processes. V: Khrenov NA., ed. *Art in a situation of changing cycles. Interdisciplinary studies of artistic culture in transitional processes*. Moscow: Nauka Publ.; 2002. p. 383-98. (In Russ.)
26. Budanov AV. Postmodern and Barbarity. V: Budanova VP., Vorob'eva OV., eds. *Civilization and barbarism. Paradoxes of the victory of civilization over barbarity*. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN Publ.; 2013. Iss. 2. p. 379-400. (In Russ.)

Информация об авторе

Вера П. Буданова, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; Россия, 119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А; vrbudanova@yandex.ru

Information about the author

Vera P. Budanova, Dr. in History, professor, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32A, Leninsky av., Moscow, 119334, Russia; vrbudanova@yandex.ru